

ТРИНАДЦАТЬ СЕКУНД- И ВСЯ ЖИЗНЬ

ВСЕ, ЧТО ГОВОРЯТ О КАСЬЯНЕ ДОБРОГО,— ПРАВДА. ГОВОРЮ ЭТО ОПРЕДЕЛЕННО И УВЕРЕННО. ЗА КАСЬЯНОМ — ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ СПИН ТЕХ, КОМУ ОН СОБСТВЕННОРУЧНО ПРИНЕС ОБЛЕГЧЕНИЕ.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора

Дискнули часы на руке: смена суток. В темноте гостиничный номер едва угадывается. Встревоженно бьется сердце. За окном робкий весенний дождик. А от двери ползут какие-то чуть различимые звуки: далеко, в чреве здания, кто-то осторожно открывает дверь, движется сторожкой походкой по коридорам. Один прошелестел, второй...

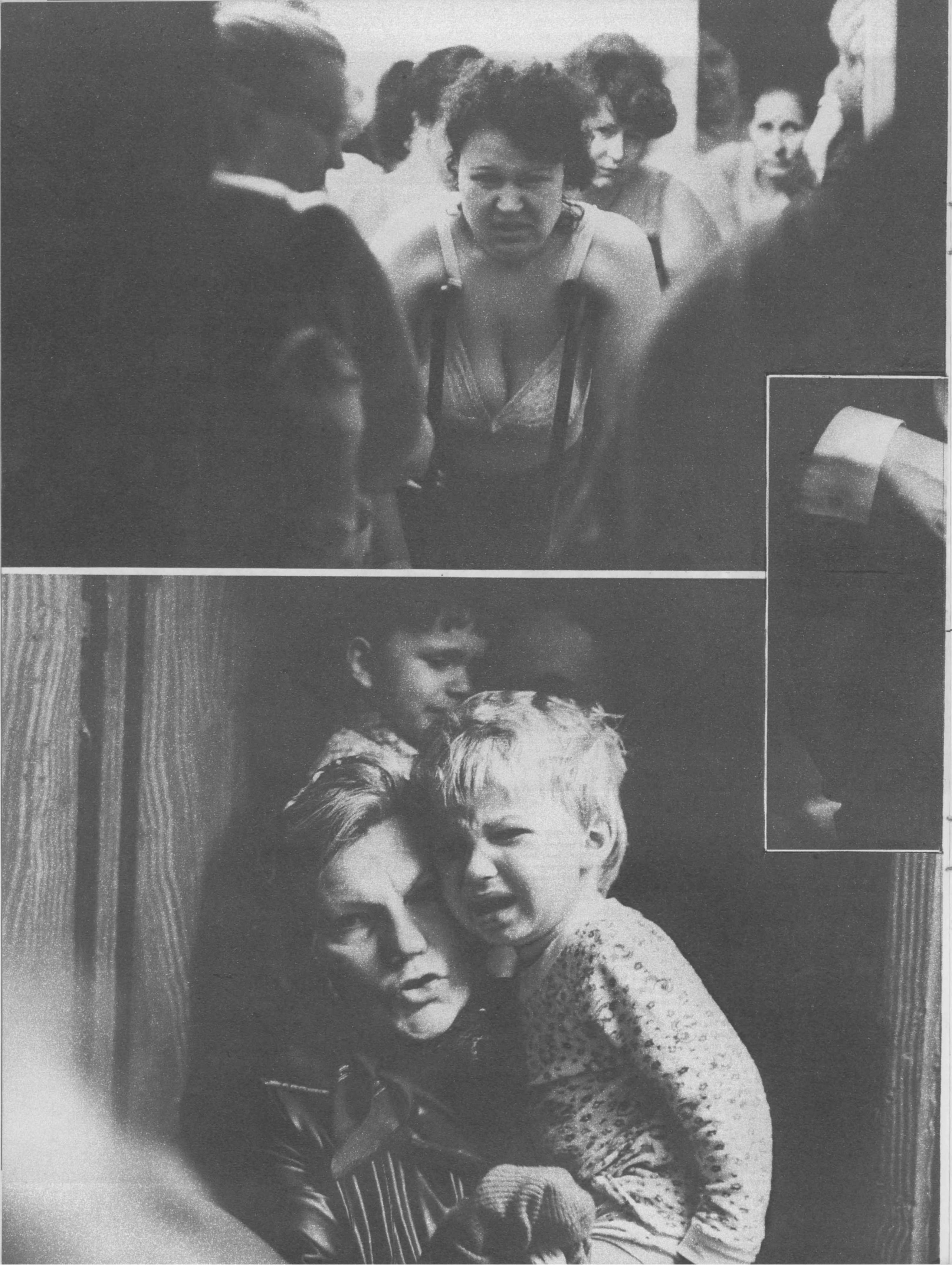
Встаю и я.

На улице замечаю: не один полуночничаю. По тротуару движется с палочкой человек. Вдали угадываются еще двое. Идут в обнимку, поддерживая друг друга. Я иду быстрым шагом, обгоняя одну группу, другую. В первой несут малышей. Во второй взрослая женщина и девушки-подростки. Все мы поворачиваем в переулок, в конце которого горит фонарь. По обочинам узенькой дорожки чуть не сплошняком легковые машины. Засветло их здесь не было. Как не было и этих людей. Безмолвная огромная толпа; человек триста, а может, и вся тысяча — в темноте не разберешь. А народ все подходит и подходит. Меня, видно, запомнили по прошлым ночам, знают — корреспондент. И на этот раз не останавливают. Только одна женщина сказала: «Вы уж, пожалуйста, его не отвлекайте...» Не буду. Я уже познал цену этих секунд.

Прохожу последний кордон — калитку. И на этот раз опоздал: прием идет.

В крохотном коридорчике людей ровно столько, сколько может побыстрее раздеться, снять лишнее с малыша. В комнате полужесткая кровать, диван, столик. В углу бумажные мешки, в них письма. Письма, туго перевязанные бечевкой, и рядом со столом. Одна такая пачка — корреспонденция за день. На стенах, как в деревенском доме, фотографии.

Мужчина и женщина, снятые вместе; чья-то свадьба; простенькие сувениры, наверное, подарки. Один из них — срез рыбьего позвонка размером в тарелку — изображает восточное лицо. Это с Чукотки.

— Побыстрее, мамаша, побыстрее. Что ж ты его так укутала?

Возникла пауза. Касьян присел, опустив руки на колени. И, словно угадывая мой вопрос, сказал:

— Я специально без халата. Маленькие, увидев халат, пугаются, начинают плакать.

Я уже убедился в этом. Стоит попасться одному реве, как все остальные малыши начинают тереть глаза и кривить рты. Секунда — и такой концерт. Но сейчас тихо. На диванчике мамаши одна за другой распаковывают грудничков. На кровати — процедуры. Улыбается девочка месяцев пяти. Касьян пробежал руками вдоль тельца, словно оправлял распашонку, погладил ножки — забирай, мамаша.

— Доктор, нам еще приходить?

— А зачем?

В глазах матери и счастье, и слезы. Так просто — и все обошлось. Что было с малышкой? Не успеваю спросить...

Я все пытаюсь сосчитать, сколько проходит больных, и сбиваюсь со счета. Наконец остается хвостик очереди — семь человек. Засекаю время. Прошел последний. На человека — тринадцать секунд. Себе не верю, однако это так...

Несколько слов о методе необычного целителя. Касьян вправляет на место то, что было не на месте. Это может касаться любого сустава, но основная его забота — позвоночник. Хребет — не только ломота и недомогание в нем самом, это пустяки; можно было бы махнуть рукой даже на боли, так и делает большинство из нас, тем более что посещение врача облегчения не приносит. Но вот когда начинают отниматься ноги, когда ты начинаешь слепнуть, когда в руках не остается сил, чтобы поднести стакан с водой ко рту, и когда ты не ты, а беспомощный инвалид, тогда все и в тебе самом и мир вокруг настолько меняются, что жизнь не радует. Позвоночник — это все. Позвоночник — это все каналы, связи: нервы, «системы управления». Работа внутренних органов и органов чувств — все это он, позвоночник. Следствие подчас так далеко от причины, что даже опытные врачи с помощью сложной диагностической аппаратуры не могут установить связь между ними. А неверный диагноз — неверное лечение.

Касьян пальцами многое «считывает» с позвоночника. Он ищет одно: е г о болезнь или нет? Е г о болезнь — это случай, когда в позвоночнике что-то не на месте. «Выпал» ли диск, хрящевая прослойка между позвонков, «выскочил» ли сам позвонок, началось ли искривление позвоночника — сколиоз, или привязался радикулит, остеохондроз. «Прочитав» позвоночник, он тут же начинает его п р а в и т ь. А если позвоночник информирует, что причина заболевания не е г о, Касьяна, то целитель говорит: «Не ко мне». Что это может быть? Опухоль, инфекция, воспалительный процесс, болезнь кости... И рассеянный склероз — не «его». Пальцы Касьяна ищут аномалию, и она, обнаруженная, сама подсказывает пути ее устранения.

...Грудничков сменили дошкольники. Четыре года, шесть лет, а уже сколиоз. Откуда он? Одна из причин — малоподвижность, ослабленная мускулатура; есть и другая — неправильная поза, посадка. Ну, казалось бы, не прям мальчишка твой, не стрелочка, и такого полюбят. Но вот ход болезни: привычная, но неправильная поза ведет к искривлению, меняются положение и форма позвонков. Человек ищет щадящую позу, как ему удобнее, менее болезненно, а щадящая поза ведет к развитию процесса — к необратимой деформации позвоночника, нарушению естественных связей и отставанию роста руки или ноги, «усыханию», параличу, нарушению работы внутренних органов. И все это происходит лавинообразно, с ускорением летящих с горы камней.

— Где ты раньше был, папаша? Что ж не вез свою дочь?

Девочке — шестнадцать, но на вид больше тринадцати не дашь. Словно невидимым панцирем скованы грудная клетка, все тело. Когда девочка повернулась спиной, я чуть не вскрикнул: между позвоночником и тем, что можно еще было назвать лопаткой, была вмятина, в которую бы мог войти мяч. До пределов запущенный сколиоз! И правда, где же он был, отец? Наверное, жил на необитаемом острове, на дереве, не спускаясь на землю? А ведь жили отец с дочерью среди людей. И среди врачей. И не поверю, что никогда не обращались они ни к одному из них. Но ясно, никто не помог. И отец с дочерью поехали в городок Кобеляки, что на Украине, к доктору Касьяну, и, отстояв немыслимые очереди, попали наконец на прием... А всемогущий целитель не помог. Не он унес последнюю надежду, последний шанс. Их унесло время...

Стрелки приблизились к четырем часам утра. Прошли два часа приема — не менее двух сотен больных. Но у калитки за забором их не стало меньше. «Доктор, примите только одного человека...» Сколько тысяч просьб: только одного!..

Николай Андреевич идет под душ, переодеться, я остаюсь в кабинете. В углу мешки с почтовыми конвертами. Чтобы прочесть письмо, нужно три минуты. И столько же, чтобы ответить хотя бы одной-двумя фразами. Итого пять-шесть минут — триста шестьдесят секунд — это время исцеления тридцати больных, которые уже здесь, на улице, на костылях, на носилках, в автомобилях...

Я разрываю тесемку почты последнего дня.

«Мне в этом году исполняется 38 лет. Около двадцати лет я страдаю остеохондрозом. Со временем я стал болеть в году по нескольку раз. Чем только я не лечился, кажется, перепробовал все, что мог.

Очень переживаю, что я единственный взрослый мужчина в семье, а ничем не могу помогать... Разрешите приехать к вам на лечение...»

«Лет пять назад я занимался легкой атлетикой, и вот после одной тренировки (прыгал по залу со штангой на шее) я, наверное, плохо размялся и стал играть в волейбол. Высоко выпрыгнул, ударил по мячу и опустился с болью в позвоночнике. Первое время даже повернуться не мог. Обращался в физдиспансер. Делали мне там сеансы электрофореза. Диагноз был: травматический радикулит. Потом обращался к невропатологу. Диагноз: остеохондроз.

Немного о себе. Мне 26 лет, работаю в органах ВД Мосгорисполкома. Я не могу стопроцентно заниматься своей работой, хотя и на Доске почета, и задержаний у меня хватает, а полноценной жизни нет...»

«Я сравнительно молода, у меня двое детей... Три года назад сама себе свернула шею. После утреннего пробуждения я резко повернулась, у меня что-то щелкнуло в шее. Боль была очень сильной, голова не поднималась.

Страдаю каждодневными головными болями, подключается сердце, не могу наклонившись читать литературу, что необходимо по работе. Нельзя сказать, что я не обращалась к медицинской помощи. Но четыре раза принятый массаж с перерывами в полгода дает лишь временное облегчение...»

«Я страдаю остеохондрозом... В год нахожусь на больничном почти до трех месяцев. И поверьте мне, не хочется быть инвалидом в сорок лет...»

«У меня сколиоз второй степени поясничного отдела, мне 18 лет. Так хочется быть здоровой девушкой...»

«Мне 48 лет... Боли позволяют мне пройти не более 50 метров. Чтобы пройти дальше, нужно где-то присесть. Расстояние от дома до работы в 300 метров я преодолеваю с четырьмя посадками. Испробовано все... Положение критическое».

«...мне еще 15 лет работать, другой специальности у меня нет. И мне бы очень не хотелось висеть тяжким грузом на дочкиной шее — сделать из нее сиделку. Умоляю Вас, помогите выкарабкаться из этих «лап»!..»

«Мне 38 лет, но я уже полукалека...»

«...я фронтовик, прошел от Дона всю Украину. Освобождал в том числе и ваш родной город Кобеляки...»

Боль, страдания, отчаяние. Писем столько, что в их потоке Касьян не может отыскать письма родственников, и они тоже остаются непрочитанными...

Касьян прогревает мотор машины, сейчас поедем. На улице по-прежнему черно; половина пятого, а в пять начинается прием больных в кабинете мануальной терапии. У входа невысокого здания под одинокой лампочкой чернеет толпа, границы ее теряются в темноте. Народу много. В помещении уже ждут больные. Первыми пойдут самые тяжелые: одних вносят на носилках, на кусках брезента, на одеялах; других — на руках... Рядом в очереди те, кто может стоять, точнее, висеть на костылях. Первыми из тяжелых идут женщины.

Касьян раздевается до майки, надевает халат, и нескончаемый поток начинает течь... Касьян не спрашивает ни имени, ни на что жалуется пациент. Рука следует по хребту, ему ясно. Пальцы в работе: то мнут, то простукивают, то ощупывают. Теперь больной должен встать. Доктор берет его сзади под мышки и рывком встряхивает. Каждого. Сорокакилограммовую девушку и мужчину на полтора центнера. Каждый день «рвет» тридцать—сорок тонн. Спина все время согнута, руки в работе. Кто-то подсчитал: за день его руки принимают семьдесят тысяч ударов. Это не робкое постукивание по пальцам. Удар должен быть достаточно крепок, чтобы вернуть на место позвонок. И таких ударов семьдесят тысяч! Кисти рук разбухли, набрякли. Движется очередь. Стоп! «Вы не мой больной... Да, напрасно приехали. Это я не лечу».

Касьян, если и сердится, то недолго. Когда болит — а надо думать, болит у каждого так, что мочи нет,— то помогает шутка. Шутка помогает снять стресс.

— Замуж-то пойдешь? — спрашивает Касьян очередную красавицу, которую во все стороны повело. Она с признательностью смотрит доктору в глаза, а в собственных закипает влага:

— Кому я нужна така кривобока?..

Комок подкатывает к горлу.

— Вы обязательно запишите,— теребит меня за рукав женщина.— Я мать семерых детей. Меня вот такую сюда привезли,— показала на неподвижную больную на носилках.— А теперь хожу. А все он... А как я сюда добиралась! Из Якутии... Я Метлицкая Лидия Ивановна. Усть-Майский район, Айлахунь... Прямо запишите: благодарна я от всей души...

Течет очередь, и время идет. Касьян пользуется передышкой: сидит, курит. Что ж ты делаешь, Николай Андреевич? Остановись! Разве забыл, как помирал с дырами по кулаку в каждом легком, которые прогрызла чахотка? Его из армии комиссовали, где служил по специальности санитарным врачом, и с жизнью рвались последние нити. Не жить, а помирать приезжал тогда в родительский дом. Врачи — коллеги — не могли ничем помочь.

Избавление пришло в образе бабки. Она его почти полгода отпаивала травами, барсучьим жиром. А помогала ей мать, что сердцем выхаживала и выходила сына, отняла у смерти... Я знаю, когда он закурил. Это было тогда, когда колебался, пойти учиться «на писателя» или «на врача». Стихи в центральных газетах печатали, и можно было бы рискнуть. Но рядом отец — знаменитый по своей округе костоправ! Перебьют лапу собаке — и той все косточки до единой, как надо, сложит, сделает ей из щепочек лубок: выздоравливай! Отец образования был невеликого. Класс, полтора? Но косточки-то человеческие все до единой знал. Не по латинским названиям, а по месту и назначению, по форме и существу. Недаром в доме и скелеты, и черепа как пособия. Ну, о его руках Николай Андреевич помнит сам — хребтом прочувствовал. Это когда «рванул» очередную больную, что была пудов на восемь, а «диск» выскочил. Отец вправил. Да так надежно, что до сих пор — тьфу, тьфу, тьфу... Да, были черепа в доме, а вот покойников младший Касьян не любил. Не то чтобы боялся, а к духу не привыкнешь... И тогда сказал ему будущий учитель — преподаватель по институту: «А ты закури — легче будет привы-

кать...» Хотя, конечно, Минздрав не советует...

В предбанничке теперь мужчины, обнаженные по пояс. В толстую книгу заносят фамилии — и вся канцелярия. Девушка проворно водит пером. Тихо наклоняюсь к девушке: «Очередники? И много их?»

— На день я выдаю по сто семьдесят, сто восемьдесят талонов. Это к Николаю Андреевичу. Но у нас еще три врача. Правда, каждый принимает не больше тридцати пациентов в день. А к Касьяну, сейчас скажу, талоны выдаем уже на лето следующего года. Пятьдесят тысяч человек только в официальной очереди...

Сколько же их, больных, прошло с двух часов ночи? А репродуктор только что принес бой кремлевских курантов — шесть утра! Волосы на лбу доктора взмокли, лицо в испарине, а сам улыбается, даже вспомнил какой-то анекдот...

Отговорила Москва, теперь наигрывало мелодию городское радио. Эту мелодию я уже слышал и вчера, и позавчера. «Кобеляки мои...» — вызванивает какой-то инструмент в ритме вальса. Мы переглянулись с Касьяном. Мы знаем, а больные — нет: это его мелодия, касьяновская. Я прослушал запись концерта, сделанного в Киеве. Перед исполнением песни Иосиф Кобзон сказал два слова: «Касьян — замечательный врач! Сегодня я его представлю как автора песни — поэта и композитора...» И вот полилась мелодия, подхватил ее и повел известный голос. Надо сказать, сам я с предубеждением отношусь к доморощенным музыкантам. Но сейчас думаю, что иным композиторам и поэтам придется потесниться, если Касьян вздумает сменить профессию...

Третью ночь на ногах, я уже пошатываюсь. А Касьян? Полтора часа сна в сутки. Изо дня в день, из года в год... Я выхожу на улицу. Рассвело. В свете поднимающегося дня толпа не кажется столь безмерно большой и грозной. Впрочем, погодим с прогнозами...

— Пишете о Касьяне? Лучше напишите, как он взятки берет!

— Вы ему давали?

— Нет!

— На примете кто-то есть или кого подозреваете?

— А вы не видите, как через ту дверь к нему идут?

Немного, редко, но действительно идут. Как объяснишь толпе страдающих людей, что врач не может отказать другу, или другу родственника, или родственнику родственника? Это в конце концов его право. И напротив, ни у кого из «обиженных» нет ни юридического, ни морального права хоть долю внимания у Касьяна т р е б о в а т ь. За лечение всех пятисот больных, принимаемых ежедневно (кроме суббот и воскресений), он не берет ни копейки. Ни тайно, ни явно. Ни из рук в руки, ни из государственной кассы. Все, что он творит,— бескорыстное благодеяние.

А живет на оклад заведующего психиатрическим отделением Лещиновского дома-интерната для инвалидов. Но кто из больных об этом знает?

Всю жизнь правил людей отец Андрей Иванович Касьян. Семь раз его за то лечение арестовывали. А он усмехался только, как усмехается теперь его сын: «В тюрьме тоже люди, и там страдают, и в тюрьме надо лечить...» И лечил. И многие приходили, «даже прокурор», как в песне Высоцкого! Но от судьбы не уйдешь. Тот, кто всю жизнь вправлял людям кости, складывал переломы, избавлял от недугов, сам умер от жестоких побоев, от сокрушительных травм. А было Андрею Ивановичу за семьдесят...

Ну, а каково сыну пришлось?

— В восемьдесят втором году, последнем, когда на меня особенно наседали, тридцать две комиссии приезжали проверять! Тридцать две.

В Полтаве мне позже сказали: навыдумывал! Ну, была, может быть, парочка проверяющих.

И все-таки я склонен верить Касьяну. Проверяли его методы: не антинаучны ли, не вредят ли? Проверяли его помыслы и чист ли на руку. Приносит благодарная женщина букет тюльпанов — взятка! А сколько такой букет стоит? Сейчас я думаю: зачем было вести мышиную возню? Именно возню! Касьян неуязвим. Не только потому, что уже в семидесятые годы тысячи больных, безымянных, которых либо изувечила своими методами, либо вовсе отринула официальная медицина, которые приползали к Касьяну, может, и не надеясь ни на что, и обрели кто исцеление, кто облегчение, кто надежду. Но потому неуязвим, что уже тогда среди излеченных насчитывалась большая прослойка людей, известных в обществе, занимающих высокие посты.

Закончив прием в кабинете около восьми, Касьян направляется в гостиницу. До девяти успеет принять больных, которые живут в номерах.

Счастливчики! Попасть в гостиницу, в которой полсотни мест,— крупное везение. Альбине Корецкой из Туапсе, бывшему инженеру-технологу, на этот раз повезло... Вот вкратце ее история.

Когда Альбине было 23 года, она подняла двухлетнего сына — ударило в спину. Обратилась к невропатологам в Туапсе, те посоветовали ехать в Краснодар. Краснодарские невропатологи направили к специалистам по сосудистым заболеваниям. Поясница болела все больше, нарушилось кровообращение, отнимались ноги. Ничто не приносило избавления. Так длилось больше десяти лет. В 1984 году, когда она пробыла на больничном восемь с половиной месяцев, когда ее уже скрутило настолько, что стакана воды удержать не могла, когда начало отказывать сердце, а втэковская комиссия сказала, что долго ей не протянуть, тогда она прослышала про Касьяна. До того была огромная переписка с Минздравом РСФСР, многочисленные консультации, очные и заочные. А она уже была не жилец; организм, отравленный лавиной лекарств, рассыпался... Как она добиралась в Кобеляки, лучше не вспоминать! Сейчас за несколько приездов двести сеансов у Касьяна прошла. Давно разогнулась спина! Касьян возвратил на место два позвоночных диска. Не в полную силу, но стали работать ноги — можно ходить, можно стоять. Руки делают все, что необходимо человеку, чтобы обслужить себя.

— Многие больные меня давно знают, иногда слышу о себе: та самая, которую привезли полумертвой. Тогда я руки хотела на себя наложить... Помню, как нейрохирург в столичной Боткинской больнице сказал: «К шарлатану едете лечиться? Ну-ну...»

Таких историй я знаю несколько. Общая схема такова: несчастье, бесчисленные кабинеты врачей, лечение, не приносящее облегчения, вспышка отчаяния — и Касьян. Как последняя надежда. Мне пришлось побеседовать с людьми, так сказать, «ответственными». Высказав суждение, они, как правило, добавляли: «Но это мое личное мнение, это неофициально». Я не стану называть их, а суммирую в единый образ, собрав воедино все претензии к Касьяну.

Касьян не такой, как все. Это почему-то раздражает. Вот воображаемое интервью, которое дает корреспондент, а спрашивает его Некто (впрочем, все вопросы подлинные):

НЕКТО: Что это за мистика, почему прием больных среди ночи?

КОРР.: Потому что день у него занят оплачиваемой работой. И потому что он работает по двадцать часов в сутки. Потому, наконец, что чувствительность пальцев Касьяна — единственного его инструмента — особенно велика в ночные часы, после короткого отдыха. Поэтому-то он и принимает в первую очередь малышей, грудничков, ясельников, дошкольников...

— Но ведь нужно же соблюдать элементарную гигиену, руки мыть после каждого больного!

— Руки он моет перед началом приема. Представьте ситуацию: женщина сорвалась в пропасть, но еще держится за слабенький пучок травы. Чтоб спасти, нужно протянуть руку. Вы протягиваете, а она говорит: «Вы помыли ее?» Каждый раз мыть руки — уйдет времени больше, чем на прием больного...

— Не вести подробных записей? Не рассматривать рентгеновские снимки, не читать анализы?

— Метод мануальной терапии, как вам известно, обрел уже права гражданства. Это подтверждено и приказом министерства, и созданием по стране ряда центров, в которых применяется этот метод. Но во многих ли местах есть специалисты, способные поставить точный диагноз, используя одни лишь руки? В Касьяне сплавились опыт, талант, знания. Так, как Шаляпин, пел только Шаляпин, и Пикассо был один, да и хирург Пирогов — исключение, а не правило. Комиссий «уличающих, разоблачающих» были десятки, но не было ни одной, которая бы попыталась уяснить существо кобелякского метода! В тысячной толпе не найдешь ни единого, кто бы, испытав руки удивительного врача на себе, почувствовал разочарование. За ним именно тысячи исцеленных...

О его лечении говорят, что никто не знает отдаленных результатов. Но большинство его пациентов были уже «списаны» медициной. Облегчить страдания — уже великое дело! Но Касьян излечивает. Ученые мужи предлагают операцию, а Касьян — прикосновение руки. После операции — неподвижность травмированной части позвоночника, частичная утрата его функций. А после костоправа — восстановление утраченных функций, частичная или полная реабилитация.

Не хочется вспоминать, как за полным отрицанием вдруг пошло «признание». И вполне достойные по ученым званиям люди, не стесняясь, предлагали «соавторство». Те, кто вчера был категорически «против», становились вдруг категорически «за». Передо мной две книжечки. Первая выпущена в Киеве. И другая — «Мануальная терапия при остеохондрозе позвоночника» Н. А. Касьяна, вышедшая в 1985 году в издательстве «Медицина» (Москва). Первую подписали доктора, профессора, кандидаты — свыше дюжины фамилий наберется. Нет там только одной—неостепененного врача Касьяна. Но в вышедшей чуть раньше книжечке киевлян — его мысли, его методы, его соображения. Даже рисунки, иллюстрирующие текст, перерисованы со снимков, на которых изображен либо сам Касьян, либо его руки. Секрет прост. Пока рукопись рецензировалась в Киеве и отлеживалась в издательстве в Москве, идеи успели «прорасти» на чужой почве...

Только что Н. А. Касьян справил свое пятидесятилетие. Друзья поздравляли, посвящали стихи! «Чужие» министры прислали адреса! Свои «не заметили». Ни слова приветствия от коллег-медиков. Ни грамоты именем республики, ни медали, ни ордена... Да кто, собственно, такой Касьян? Не академик, не доктор наук, не кандидат даже... Чудак-одиночка. Народ лечит? Пустое... Может, у него звание народного врача? Существует, говорят, и такое. Так нет у него этого звания. Да и вообще, если хотите знать, он и работает-то не в системе Минздрава, а в Министерстве соцобеспечения.

Обидно? Обидно. Не Касьяну обидно, а за него.

Кому же, как не таким людям, присуждать награды Отечества? За беззаветное служение людям, за каждодневный подвиг!

А здравотделы района, области, Министерство здравоохранения УССР простых теплых слов не могли выразить юбиляру? Кто-то искал доктора, чтоб поздравить, да не нашел. Кто-то «забыл»... Да что там говорить, не успел я уехать из Полтавы и доехать до Москвы, как меня слух догнал: а корреспондент-то у Касьяна дни и ночи пьянствовал! Стало быть, рыльце в пушку...

Уезжая из Полтавы, я сказал, что противника Касьяна в моем лице они не найдут.

Так кто же эти они? Те, кому страшно исключительно за свое кресло. И от этого страха должностное лицо превращается в бюрократа, перестраховщика, человека, не способного и не желающего принимать какие-либо самостоятельные решения. Человека, внутренне ненавидящего всех, кто своей одержимостью вносит дискомфорт, а главное — долю риска в устоявшееся благополучие. В атмосферу ничегонеделания! Не говоря уж о том, что существование рядом человека повышенной творческой энергии — постоянно сосущий упрек собственной совести, собственному благополучию.

Поделись Касьян идеями, трудами собственными с тем, у кого не хватает своих, возьми этих людей в соавторы — пожалуйста, путь на Олимп ускорится. Правда, там ты не будешь в числе «богов», а только в свите! Отступись на время от своей идеи, прикинься слабеньким! Найди ученого дядю, который станет твоим руководителем по научной теме, в которую ни ты, ни он не верят, но остепенись — стань кандидатом, стань доктором! И потом с позиций завоеванного авторитета двигай науку вперед...

Но зачем же предавать собственные идеи? Зачем же тратить бесценную жизнь на вымаливание степеней и званий? А разве не так поступают тысячи молодых аспирантов? Находят тему, загораются ею, но в аспирантуре попадают к тому руководителю, который «молится иному богу». И будущий кандидат предает свою научную идею ради «верняка» — диссертации, которая ни в науке ничего нового не откроет, ни соискателю ничего не добавит.

...Появится эта публикация, хлынет поток писем в редакцию, к Касьяну. Хлынут просьбы помочь.

Не пишите.

Не в состоянии помочь ни журнал, ни доктор. Есть один путь: написать районному главврачу Кобеляк и выслать направления от своих лечащих врачей, а также выписку из истории болезни. Но не ждите скорого ответа: разве может справиться райздрав или даже облздрав с нуждами больных со всех концов страны?

Как же помочь всем страждущим? Никак. Если не взяться всем миром. Если союзное Министерство здравоохранения на основании ваших писем не возьмется во всем объеме за решение этой задачи.

Много ли надо для создания лечебного центра в Кобеляках? Много. Самому Касьяну не надо ничего. Но больным нужны палаты, номера, столовые, места отдыха, как и положено, чтобы отдыхать между процедурами.

Нужны оснащенные диагностические кабинеты. Не для Касьяна, повторяю. Его опыт, талант в конце концов позволяют обойтись без дорогостоящей техники. А вот для тех врачей, которых будут сюда направлять на стажировку. Только в этом случае практиканты будут обретать свой собственный опыт, что называется, с широко раскрытыми глазами. Кстати, о врачах-стажерах. Опыт Касьяна далеко не каждому желающему может быть передан. Что можно легко исправить прикосновением пальцев, можно столь же легко загубить неумелым прикосновением. И такие случаи есть, когда прослышавший о методе Касьяна или даже видевший манипуляции самого врача говорит: «Я сам все умею...» И тут можно наломать дров. Отбор талантов должен быть ничуть не мягче, чем отбор перспективных учеников к профессору-музыканту. И такой подход не должен никого ни коробить, ни обижать. Массовая подготовка искусных хиропрактиков может сочетаться только со строгим индивидуальным отбором, жестким просеиванием кандидатов.

...И снова наступает ночь. И опять я не могу уснуть. Жду, когда разольется шелест открываемых дверей, неровная поступь шагов. Напрягшись, я лежу в темноте. В голове крутятся строки, которые друзья посвятили Касьяну:

В лапах прихоти-судьбы,
В зной и в дождь,
в мороз и в слякоть
Позвоночные столбы
Зашагали в Кобеляки...